

Аспекты рецепции русской литературы в Италии периода фашизма

Стефано Алоэ

Двадцатилетний период существования фашистского режима в Италии оказался одним из самых значительных в истории русско-итальянских культурных связей, и это вопреки острой идеологической неприязни и активного соперничества двух тоталитарных режимов во главе с Лениным, а затем со Сталиным, с одной стороны, и Муссолини, с другой. Неоднозначность отношений между СССР и Итальянским Королевством уже давно привлекает внимание историков (среди современных исследований выделяются работы Petracchi 2002; Flores 2017; Дубровина 2019; Giusti 2022). Их интерес вызывают, в частности: тот факт, что именно Италия Муссолини среди первых стран в мире признала СССР и 7-10 февраля 1924 года установила с ним дипломатические отношения (Дубровина 2018, 139); процветающее экономическое сотрудничество двух стран со значительным вкладом итальянской промышленности в механизацию индустриального и сельскохозяйственного производства Советского Союза в годы первой Пятилетки (Хормач 1995); высказывания самого Муссолини в качестве журналиста, политика и вождя страны в отношении большевизма, революции и СССР (Окороков 2002; Giuliano 2009; Bresciani 2017; Дубровина 2018, 139, 145-47). В целом, по теме политических, дипломатических и экономических отношений между Италией и СССР в межвоенный период существует богатая литература, в том числе ряд монографических исследований на русском, итальянском и других языках, свидетельствующих о значимости данного сюжета для различных историографических школ¹.

¹ Часть этих работ указана в списке цитируемой литературы в конце статьи.

Stefano Aloe, University of Verona, Italy, stefano.aloe@univr.it, 0000-0002-1117-4423

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Stefano Aloe, *Aspects of the reception of Russian culture and literature in Italy during the fascist period*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0238-1.20, in Shin'ichi Murata, Stefano Aloe (edited by), *The Reception of East Slavic Literatures in the West and the East*, pp. 225-242, 2023, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0238-1, DOI 10.36253/979-12-215-0238-1

Если динамика официальных отношений между двумя государствами хорошо изучена и в целом довольно прозрачна, то идеологические контакты между коммунизмом и фашизмом являются часто противоречивыми и требуют осторожного прочтения на фоне культурно-исторического контекста, личных связей многочисленных деятелей культуры и общественности обеих стран и т.д. В этом плане также существует объемная научная литература, но наблюдается некая раздробленность в подходах: картина представляется до сих пор слишком разнообразной, чтобы можно было подвести итоги и систематизировать эту область исследований. В особенности это касается взглядов идеологов и представителей итальянского фашизма на советский опыт. Нередко, одна из причин такой сложности связана с другим важным аспектом истории русско-итальянских отношений – непреходящим очарованием, которое русская литература (и отчасти философия) оказывает на итальянское общество. Попытаться объяснить идеологические процессы без учета истории восприятия России и русской культуры в Италии и в Европе начала XX века была бы недопустимо грубой ошибкой (подробнее см. Valle 2019, 21-49).

Знакомство Европы с русской литературой, с ее оригинальными повествовательными приемами и ее темами, насыщенными философскими и политическими нюансами произвело революцию в мировой словесности на рубеже XIX-XX веков. Из “периферии” мировой культуры Россия мгновенно перенеслась в самый ее динамичный центр, став фактором его художественного и “духовного” обновления. В течение первых двадцати лет этого процесса (80-е и 90-е годы XIX века) знакомство с русской литературой, начало которому было положено публикацией в Париже знаменитого эссе Э.-М. де Вогиюз *Le roman russe* («Русский роман»: Vogüé 1886), было скорее данью моде, с известной склонностью к экзотическому восприятию сюжетов и героев русской прозы и с недостаточным вниманием к качеству переводов со стороны уловивших выгодную тенденцию издательств (распространенная легкомысленность переводчиков тех лет объясняется преимущественно ориентиром на рынок массовой беллетристики – Baselica 2017). Но ситуация вскоре изменилась в сторону более обдуманного и требовательного прочтения шедевров русских романистов; на фоне продолжения и даже роста массового распространения переводов произведений уже становящихся классиками писателей, на них стала ссылаться западная литературная и философская элита, видя в них, и в особенности во Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском, не только выдающихся современных прозаиков, но и властителей дум. Комментарии к их творчеству, принадлежавшие перу Д.С. Мережковского, Л.И. Шестова и Н.А. Бердяева также получили широкое распространение, оказав в начале XX века влияние на формирование определенных *idées fixes* европейской интеллигенции относительно “молодой” России и ее мессианской роли на фоне кризиса и предвещаемого “заката” “старой” Европы. В этом контексте, “пучения” Толстого и парадоксальные “пророчества” героев Достоевского стали восприниматься как объяснение и подготовку к историческим катаклизмам 1910-х годов – Первой Мировой Войны и русских революций (Valle 1990; Страда 2013, 79-86).

Вот почему именно восприятие русской литературы уместно и даже необходимо поставить в ряд с ключевыми факторами для изучения отношений фашистской Италии к советской России. Итальянские интеллектуалы, включая “несостоявшегося писателя” Б. Муссолини, читали русских “классиков” и с заметной частотой ссылались на них как в личных контактах (переписках, дневниках, семейных ритуалах...), так и в публичной сфере (книгах, статьях, лекциях, и т.п.). В первое десятилетие власти фашистов в Италии распространение русской и, что особенно удивляет, даже советской литературы не только не встречало особого сопротивления, но и стремительно росло. Наряду с нейтрально настроенными журналами и газетами, откровенно фашистские периодические издания также участвовали в дебатах, посвященных русской литературе, с комментариями о новых переводах, о писателях, о популярности определенных произведений среди итальянцев. А если некоторые воинствующие фашистские публицисты громко жаловались на распространение в Италии книг, написанных в стране, опустившейся до “коммунистического варварства”, то их мнение разделяла лишь незначительная часть итальянской публики. Так продолжалось до середины 30-х годов, когда ситуация в корне изменилась в связи с ростом антисоветской (и в целом, ксенофобской) националистской пропаганды; вмешательство цензуры тогда стало гораздо заметнее, и лишь минимальное количество связанных с Россией публикаций допускалось до выхода в печать (Sorina 2009, 209-15; Дубровина 2019, 13; ср. так же Rundle 2019). Не раз после 1935 года арест налагался на уже готовые тиражи (Re 2005, 74).

Разумеется, борьба фашистской цензуры в последние годы власти Муссолини не ограничивалась запретом на большинство произведений русской литературы, в опале оказались и многие авторы и произведения других стран на фоне усиления “автаркических” претензий на первенство и самобытность “италийской” культуры. Однако только русская литература и культура подверглись фашизмом масштабной кампании запрета и дискредитации, что объяснялось двумя факторами: усилением антикоммунистической риторики фашизма (чьи идеологические и стратегические колебания наконец разрешились в пользу союза с национал-социалистической Германией) и всеохватывающим присутствием русской литературы, занимающей значительное место в образовании и мировоззрении итальянцев.

Указанные явления – изначальная терпимость и последующий запрет фашизма на поступавшую из России литературу – говорят об особенностях культурной жизни тоталитарной Италии, отличавших страну от других тоталитарных режимов эпохи. Как известно, идеологизированные тоталитаризмы XX века ставили перед собой задачу перевоспитания масс, в том числе через монополию на культуру и на образование. Это верно и в случае итальянского фашизма. Тем не менее, в фашистской Италии роль культуры заметно отличалась от той, которую она в те же самые годы приобрела в Советском Союзе, а начиная с 1933 года, и в ставшей нацистским Рейхом Германии. В двадцатые годы, на первом этапе своего существования, итальянский фашизм во многом видел в экспериментах недавно созданного Советского Союза образец

для проведения своей культурной политики. Только в последующее десятилетие культурная политика фашистской партии полностью дистанцировалась от ориентира на терерь уже ставшее вражеским государство. В целом, истории фашизма склонны подчеркивать в культурной политике режима Муссолини отсутствие органичной и целостной концепции (Ben-Ghiat 2000; Ghini 2008, 13-23). Суждение историков подтверждается и проницательными наблюдениями молодого Иво Андрича, который в 1920-е гг., будучи сотрудником посольства Югославии при Ватикане, оказался свидетелем первых шагов пришедшего к власти итальянского фашизма:

То је била мрачна, сурова провинција која је дошла у Рим, жељна борбе и власти [...]. Са доласком Муссолинија на власт дошао је и читав рој младих људи из провинције, адвокатских кандидата или често само резервних потпоручника по занимању, који су стекли заслуга за фашизам [...]. А за тим младим људима [...], појурио је опет нов рој сателита, њихових партизана и сиромашних рођака из провинције. И многи који је донедавно био опћински чиновник или секретар месног одбора фашистичке странке у Козенци или негде у Абрџима, нашао се сада као начелник целог једног одељења, заденуо монокла и почео да и осећа и показује шта значи власт. [...] Та клика ариविства није имала ни могла да има оно осећање мере, ону власт над сопственим апетитима и онај трезвен поглед на ствари, који даје само радом и искуством стечена култура (Андрић 1984, 201, 220-22)².

Не будучи в Италији политическим стержнем, култура не наделаљася особыми общественно-воспитательными функциями. Это обусловило тот факт, что литераторы были исключены из процесса обоснования новой “фашистской” культуры. Сама система цензуры была не столь удушливой, как в СССР и в Германии. При фашизме основной интерес власти был обращен к массовой культуре с целью не привлечения, а отвлечения населения от политики, в то время как за культурными элитами признавалось относительное право на свободу слова во всем том, что не имело прямого отношения к идеологическим постулатам режима. В этих условиях, интерес к русской литературе, ярко проявившийся уже в начале века, смог беспрепятственно развиваться и при Муссолини. Этот успех, а также широкое распространение русской литературы в интересующий нас период был обеспечен рядом факторов.

² «Это была темная, суровая провинция, дошедшая в Рим в жажде борьбы и власти [...]. С приходом Муссолини к власти также пришла целая куча молодых людей из провинции, кандидаты в юристы или часто просто запасные подпоручики по профессии, которые добились заслуг за фашизм [...]. А за теми молодыми людьми [...], опять ворвалась новая куча спутников, их товарищей и бедных родственников из провинции. И многие, недавно еще служащие муниципальными чиновниками или секретарями местных секций фашистской партии в Козенце или где-то в Абрџцах, теперь оказались начальниками целых отделений, одели монокла и начали чувствовать и показывать, что значит власть [...]. Эта шайка карьеристов не имела, ни могла иметь того чувства меры, той власти над своими аппетитами и того трезвого взгляда на вещи, которые дает только приобретенная трудом и опытом культура» (там, где не указано иначе, переводы мои – С.А.).

1. Мир литераторов и художников

В первую очередь необходимо привести упомянутый выше факт активного восприятия некоторых русских авторов вслед за “французским” открытием русского реалистического романа еще на рубеже XIX-XX веков. Уже в первые десятилетия XX века успех, переживший момент модной новизны, укоренился в общественном сознании. В целом, культурная элита Италии не отставала от других европейских интеллектуальных элит, так же проявлявших все больший интерес к мастерам русской прозы; в то же время в восприятии итальянских литераторов и интеллектуалов стали проявляться отличительные черты, свидетельствовавшие о прямом диалектическом сопоставлении ценностей и особенностей русской и итальянской литератур; за последней еще претендовалось чуть ли не уникальное наследие античных традиций, в то время как русская литература представлялась как проявление юной, самородной, спонтанной “дикой” нации, романтически далекой от основ классической цивилизации (ср. Adamo 1998, 72-6). В этой диалектике в русской прозе выделялись как положительные, так и отрицательные особенности, служившие лакмусовой бумажкой для определения черт и задач “италийского духа” в родной словесности. Если реализм Л.Н. Толстого, одновременно с различными проявлениями его морально-философского учения, был встречен всеобщим восторгом еще в 90-е гг. XIX века, то отношение к творчеству Ф.М. Достоевского было неоднозначным и спорным, с начинающим преобладанием критических и отрицательных отзывов. В конечном итоге, оба писателя оказали глубочайшее влияние на итальянскую литературу, как в плане стилистики, так и на уровне тем и сюжетов. Почти в той же степени стали влиятельными другие русские писатели, в частности Л.Н. Андреев, А.П. Чехов и Максим Горький, а немного позднее – Д.С. Мережковский. Свидетельствуют об этом журнальные и газетные статьи, переводы, оживленные обсуждения о русских писателях в частной переписке интеллигенции, появление опер, фильмов и театральных пьес по мотивам их произведений, заимствование итальянскими прозаиками тем, стилей и повествовательных стратегий из русской литературы (Алое 2018; д’Амелия и Рицци 2019; широкий спектр русско-итальянских связей в области литературы и искусства представлен в серии томов “Archivio russo-italiano”, подготовленных исследовательской группой под руководством с А. д’Амелия, Д. Рицци, С. Гардзонио и Э. Гаретто). 1920-е годы были пиком этого уже неэпизодического интереса; на основе самых разнородных документов эпохи можно без преувеличения утверждать, что итальянская культура была пропитана русской литературой, и не только на уровне элиты, но и в более широких слоях населения, о чем свидетельствует огромный успех массовых изданий русских романов и сборников рассказов в упрощенных “для народа” редакциях. Другими словами, русскую литературу в Италии радушно приняли параллельно интеллигенция и народ, и она оставила глубокий отпечаток на всех уровнях общественной жизни. При ознакомлении со списком произведений русской и советской литературы, опубликованных в Италии в 20-е и 30-е годы, импонирует количество переводов, в основном новых, не

переизданных, из русской “классической” литературы: Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева, Гоголя, Пушкина, Бунина, Гончарова, Лермонтова; из несоветских писателей первой половины XX века – Мережковского, Андреева, Куприна, Краснова, Бунина, Моисеевой, Рахмановой, Шмелева, Арцыбашева; а из творчества советских авторов – Горького, Шолохова, Эренбурга, Пантелеймона Романова и Сейфуллиной³.

Многие итальянские писатели первой половины XX века приняли русскую литературу как новый канон прозы, до той степени, что в некотором смысле формировался двуликий канон – с одной стороны, большинство прозаиков последовало по пути психологического реализма Л. Толстого, а с другой – отдельные, оригинальные “экспериментаторы” прозы взяли в качестве альтернативного образца Достоевского, не сформировав при этом школ (Алоэ 2018). В отдельных случаях проявилось влияние также и других русских писателей: таким примером может послужить воздействие Гоголя на поэтику Томмазо Ландольфи. Черты прозы Толстого проявились в двух шедеврах Риккардо Баккелли, долго считавшихся каноническими в итальянской прозе: в историческом романе *Дьявол в Понтелунго* (1927 г.), посвященном М. Бакунину, и романе-саге *Мельница на реке По* (1938-1940 гг.). На творчество Достоевского открыто ссылался Альберто Моравиа, и так же существенно, но менее откровенно, Карло Эмилио Гадда; скрытые признаки влияния Достоевского (а также и Толстого) встречаются в эпатажной прозе Курцио Малапарте. В 20-е годы Малапарте был представителем радикальной фракции фашизма, отличавшейся анти-буржуазными и провокационными проявлениями, типичными для модернистов а в частности для футуристов (энтузиазм, с которым Маринетти и большинство итальянских футуристов встретили “фашистскую революцию” сильно напоминает по формам восторженное восприятие Маяковским Октябрьской революции). Новаторские, во многом прорывные аспекты русской литературы (Достоевского, Чехова, футуристов...) не могли оставаться незамеченными в тех художественных средах, которые призывали к нарушению установленных правил эстетического канона. В то же время, конфликтное отношение итальянского и русского футуризма отражало, в частности, противоречия, характерные для раннего фашизма: при антибуржуазной радикальности своих поведенческих установок, фашизм был глубоко буржуазным и конформистским по содержанию, учитывая и его готовность договориться с крупными промышленниками и Папством. С учетом этого следует воспринимать на первый взгляд несообразные высказывания Малапарте, хорошо знав-

³ В предложенном списке мы опираемся на заслуживающую внимание диссертацию Марины Сориной, составившей статистику отдельных публикаций русской литературы в Италии в период с 1924 по 1945 гг. (Sorina 2008-2009, 382-83). Перечень авторов представлен в порядке убывания по количеству зарегистрированных публикаций: так, самыми популярными писателями были Л. Толстой (203 книг) и Ф. Достоевский (178 книг) среди “классиков”, Д. Мережковский (48 книг) и Л. Андреев (38 книг) среди писателей-эмигрантов, М. Горький (95 книг) и М. Шолохов (17 книг) среди представителей советской литературы.

шего русскую литературу и с ней тесно связанного, при этом утверждавшего в 1927 году в интервью для французского журнала *Comœdia*, что

Dostoïewski? Un énergumène épileptique. Connais pas. Tolstoï? Un vieux type qui est allé mourir dans une salle d'attente de troisième classe, dans une petite gare de Russie. Il ne faut pas lire les auteurs qui ne sont pas latins. C'est inutile et c'est néfaste (Lagarde 1927, 84-5)⁴.

Несмотря на это явно провокационное позиrowание, Малапарте внимательно следил за тем, что происходило в России, будучи одним из немногих итальянских путешественников, которые в тот период могли посещать Советский Союз. Кстати, писатели и журналисты чаще других категорий иностранцев получали разрешение на въезд в Москву и в другие советские города: дневники и путевые заметки из «Страны Советов» стали отдельным и популярным жанром публицистики 20-х и 30-х годов, оказав влияние на восприятие новой России итальянцами (о путешествиях итальянцев в СССР см. Petracchi 2014; Farsetti 2017; Flores 2017; Traini 2022).

Изучение многочисленных случаев писателей, художников, деятелей культуры и искусства, так или иначе черпавших вдохновение из русской литературы и поддерживавших связи с русскими интеллектуалами только и подтверждает эти общие наблюдения. Задачи настоящей статьи не позволяют углубиться в детали, однако указанная в конце литература отсылает ко многим из этих фигур.

2. Мир идей: философский контекст

Характерно, что духовное, в частности христианское, начало, столь значимое для романов и героев русской литературы XIX века, отразилось в итальянском философском, морально-политическом и религиозном мышлении. В этом контексте, фашистский режим остался в стороне, хотя и были попытки «фашистизации» некоторых идей, высказанных, к примеру, Достоевским-публицистом. Отдельные представители русской культуры и литературы в эмиграции сами способствовали к сближению их консервативных взглядов с фашистскими, как, например, Д.С. Мережковский и П.Н. Краснов. Итальянский фашизм, в свою очередь, служил главным ориентиром для создания русского фашизма в среде эмигрантов (Гардзонио 2003, 273-87). Ни имперская модель царской России, ни консервативно-националистические идеи, так или иначе присущие славянофильству и панславизму, ни евразизм Н.С. Трубецкого, хоть и могли теоретически заинтересовать идеологов итальянского фашизма, например в своих отражениях в русской литературе, в действительности никакого влияния на них не оказали (эпизодичные отсылки

⁴ «Достоевский? бесноватый эпилептик. Не знаю его. Толстой? Старичок, который пошел умирать в зал ожидания третьего класса, в небольшом вокзале в России. Не надо читать писателей-нелагинцев. Это бесполезно и вредно».

Ю. Эвола на Достоевского еще мало изучены, однако, как представляется, они не обладают особой значимостью – ср. например Evola 2008, 29). Философский потенциал русской литературы, так сильно впечатливший итальянскую интеллигенцию, остался практически незамеченным ее фашистской составляющей, и в процессе проникновения русских духовных и философских идей фашистский режим не сыграл никакой непосредственной или даже косвенной роли. Характерна недооценка русской литературы и культуры со стороны двух главных представителей официальной итальянской культуры и философии той эпохи, фашиста Джованни Джентиле и либерала Бенедетто Кроче.

Кроче изредка намекал, с явной насмешкой, на русскую “моду”, в частности он явно не понимал и не принимал творчества Достоевского, причисляя его к литературному направлению, близкому итальянскому “веризму” и французскому натурализму конца XIX века (ср. Adamo 1998, 89). Позиция Кроче по отношению к русской литературе оставалась всю жизнь неизменной и была созвучна итальянскому восприятию русской новизны 90-х гг. XIX века, игнорируя дебаты литературных журналов последующих десятилетий (Adamo 1996; Diddi 2008).

Более проницательным оказался подход Джентиле, основоположника культурной политики фашизма. Джентиле, как и Кроче, имел предубеждения в отношении русской интеллигенции, которую он считал недостаточно развитой с точки зрения философско-политического сознания (ср. Valle 2019, 42). К концу Первой мировой войны Джентиле определил ее как «безумное отродье, размноженное тем абстрактным и бродячим русским духом, который так типично был выражен в наивных теориях Бакунина и в самом искусстве Толстого» (Gentile 1919, 340). Джентиле признал первостепенное значение русских классиков позднее, хотя бы начиная с 1932 г., когда, на пике своей авторитетности при фашистском режиме, он был назначен главным редактором флорентийского издательства “Сансонни”. Тогда Джентиле внес в издательскую программу амбициозный проект, во многом напоминающий “Всемирную литературу” Максима Горького, а возможно и вдохновленный ею: проект заключался в публикации в целой серии основных классиков мировой литературы и ряда монографических *Историй* главных литератур мира. В своем начинании Джентиле, как и опередивший его на десятилетие Горький, последовал за Гете и его концепцией *Weltliteratur*, чем он способствовал установлению в Италии действующего канона мировой литературы. Значительно, что, вопреки растущей неприязни фашистских властей к русской литературе, Джентиле допускал включение в канон ряда произведений русских классиков (Достоевский, Лермонтов и Чехов успели появиться в начале 40-х годов) и ставшую в дальнейшем фундаментальной *Историю русской литературы* выдающегося слависта Этторе Ло Гатто (Vittoria 1984, 197; Ghini 2008, 17-8). Различные препятствия тормозили проект, и лишь несколько из запланированных публикаций увидело свет до начала Второй мировой войны и падения фашизма. Тем не менее эта серия пережила режим и самого Джентиле, оставив важный след в литературном каноне послевоенной Италии.

В целом, еще раз подчеркнем, роль фашистских интеллектуалов и идеологов в распространении русской литературы и культуры в Италии была малозначительной. Зато, особую активность проявили интеллектуалы-антифашисты разных идеологических направлений: католики, марксисты и либералы. Не может вызывать удивления тот факт, что вышеупомянутое “духовное начало” русской литературы было с крайним интересом и часто с энтузиазмом воспринято интеллектуалами-католиками. В первую очередь обсуждались христианские идеи Л. Толстого и Достоевского, к которым уже в 20-30-е гг. были посвящены статьи и книги. В этот же период интерес к проблеме Свободы и Зла в творчестве Достоевского проявил философ Луиджи Парейсон, один из основоположников итальянского (христианского) экзистенциализма (Алоэ 2013, 14-5). Не без внимания остались мысли о “русской идее” и о русском мессианстве Н.А. Бердяева, Д.С. Мережковского, Л.И. Шестова. Романы Мережковского, в частности, обрели в межвоенной Италии огромную популярность, а его темы и поэтика оказали влияние на исполненное мистицизмом и национальным восторгом творчество писателя Джованни Папини (ср. Vassena 2010).

Увлечение русской литературой “левыми” интеллектуалами – марксистами и прогрессивными мыслителями – также оказалось активным и плодотворным. Среди них стоит упомянуть имена двух знаменитых жертв фашистского террора: философа и политика Антонио Грамши, одного из основателей Коммунистической партии Италии, чьи глубокие знания русской культуры нашли свое яркое проявление в его *Тюремных тетрадях* (ср. Грамши 1991); и молодого литератора и мыслителя Пьеро Гобетти, первым в стране увидевшего в Достоевском гармоничного классика, а не антилитературного хаотичного мистика (Gobetti 1969).

3. Роль русской эмиграции

Несмотря на то, что для русской диаспоры итальянские города не стали центрами многочисленных и влиятельных общин, как это было во многих других странах Европы, не стоит недооценивать активность тех ее представителей, которые после отъезда из большевистской России обосновались на время или навсегда в Италии. Крупные исследовательские проекты, посвященные русской эмиграции в Италии привели в последние десятилетия к внушительным результатам, включая богатую базу данных “Russi in Italia” (<https://www.russinitalia.it/>) и недавнюю энциклопедию русской диаспоры в Италии (д’Амелия и Рицци 2019; см. также Гардзонио и Сульпассо 2015). Состав русских, участвовавших в общественной и культурной жизни Королевства представляется крайне разнообразным: среди них были такие широко известные деятели, как Максим Горький и члены его литературно-политического кружка, собиравшегося в Сорренто и на Капри, а также такие выдающиеся литераторы как Вячеслав Иванов и Дмитрий Мережковский (см. Rizzi e Shishkin 2001; Giuliano 2009; Джулиано 2016). Были и малоизвестные фигуры, чья деятельность, тем не менее, оставила глубокий след, в том числе и в деле по-

пуляризации русской литературы. Далеко не все члены русской диаспоры в Италии эмигрировали после Октябрьского переворота: многие русские выбрали Италию для постоянного проживания еще до революции. Уравнивает их то, что в большинстве случаев эмиграция была обусловлена политическими причинами, и возвращение на родину, следовательно, становилось невозможным или по крайней мере проблематичным. Русские эмигранты принадлежали самым разным сословиям и культурным направлениям, расходились они и по политическим взглядам. Несмотря на то, что Муссолини среди многих из них был чрезвычайно популярен, и некоторые из них стремились оказать поддержку культурной политике фашизма, тайные архивы режима свидетельствуют о том, что фашистское руководство с недоверием относилось к русским эмигрантам даже тогда, когда их не подозревали в пособничестве советскому правительству (Giuliano 2009; Accattoli 2013). Так или иначе, многие эмигранты помогали поддерживать плодотворные контакты между Италией и СССР на уровне экономических, дипломатических, культурных и научных связей; многие из них, напротив, активно способствовали распространению антикоммунистической и антисоветской пропаганды в Италии.

С другой стороны, русские эмигранты играли не менее активную роль в культурной и художественной жизни своей новой “родины”, проявляя себя в кино, театре, искусстве и, конечно, публицистике и литературе. Многие из лучших переводчиков русской литературы на итальянский язык происходили из среды русских или русскоговорящих эмигрантов. Упомянем, среди прочих, Ольгу Ресневич-Синьорелли, Леоне (Льва) Гинзбурга, Ринальдо Кюфферле, Еву Амендола-Кюн, – все они были не просто переводчиками, но и признанными интеллектуалами, писателями, деятелями культуры первой величины (Garetto 2019). Таким образом, их творчество переплетается с издательским делом, которому будет уместно посвятить несколько слов.

4. Роль издателей, переводчиков и читателей

Представляется очевидным, что восторженный, разнообразный и часто оригинальный вклад интеллектуалов и литераторов в развитие знаний о русской литературе в Италии не нашел бы своего достойного места в культурной системе страны без активного участия представителей издательского рынка. Как и сегодня, итальянский издательский рынок отличался целой плеядой крупных, средних и мелких, – но хорошо знающих свое дело, – издательств, в целом выпускавших ежегодно тысячи книг. Спрос на качественные переводы был основным фактором развития этого сегмента рынка, который в первые десятилетия страдал от непрофессиональности переводчиков и от таких пагубных практик, как перевод через язык-посредник (обычно французский) и свободное переложение сюжетов, с купюрами и переделками, приводившими к полному искажению оригиналов (среди известных случаев приведем пример “романа Достоевского” *Мальчики*, составленного наглым переводчиком из вырезанного сюжета об Илюше Снегиреве и Коле Красоткине из романа *Братья Карамазовы*...).

Парадоксально, но переход к профессионализму в переводах из русской литературы начался на заре XX века по инициативе усердных читателей, владевших русским языком и обладавших глубокими знаниями в области русской культуры и литературы. Другими словами: первыми “профессиональными” переводчиками русской литературы были недовольные распространенной “халтурой” непрофессионалы. Не удивительно, поэтому, что многие из них, как уже упоминалось, были носителями русского языка по происхождению. Также не вызывает удивления, что “опекунами” их первых переводческих опытов были литераторы, жаждущие возможности читать стилистически достоверные переложения произведений русских писателей. Так, к примеру, произошло с переводами произведений Достоевского и Толстого Ольгой Ресневич-Синьорелли, чьи усилия активно поддержал Джованни Папини (Vassena 2010), и в случае с Ольгой Олькеницкой, переводчицей преимущественно поэзии и театральных пьес, нашедшей поддержку в итальянской журналистской среде (муж, Филиппо Нальди, был известным журналистом – см. Béghin 2007, 312-14).

Характерно и то, что целый ряд итальянских писателей и поэтов эпохи чувствовали потребность самостоятельно заниматься переводом произведений русской литературы с оригинала (часто недостаточно хорошо владея языком): список включает имена Арденго Соффичи, Альберто Арбазино, Клементе Ребора, Томмазо Ландольфи и др.

По иронии судьбы, Италия фашистской автаркии оказалась той страной Европы, в которой больше всего публиковались литературные переводы с других языков, вызывая волны возмущения со стороны ревнителей режима (Mazzucchelli 2006; Sorina 2009, 209-11; Rundle 2019). В столь живучей среде с появлением компетентных переводчиков и постоянным запросом на новые переводы со стороны влиятельных критиков со страниц литературных журналов, нашлись и компетентные издатели, способные подбирать талантливых сотрудников и инвестировать в публикации десятков, а вскоре и сотен произведений русской литературы: от классиков реалистического романа до современных авторов, включая и советских писателей (список далеко не исчерпывается вышеупомянутыми самыми переводимыми авторами). Среди издательств, отличавшихся регулярным и пристальным вниманием к русской литературе, особое место занимало туринское издательство “Slavia”, основанное в 1926 году Альфредо Полледро при поддержке рожденной в России жены, Рахили Гутман. Это было первое итальянское издательство, полностью посвященное исключительно славянским литературам, в частности русской (Adamo 2000; Béghin 2007). Несмотря на недолгий период своего существования (всего восемь лет), оно оставило важный след как на книжном рынке, так и среди читателей в силу того, что большинство изданных им переводов стали хрестоматийными; немало произведений публиковалось по-итальянски впервые, чтобы вскоре перейти в статус классики. Полледро сам отлично разбирался в русской и других славянских литературах, обладая способностью выделять лучшее в разнообразном мире часто еще не переведенных на итальянский язык произведений. Полледро ставил своим делом не только ком-

мерческие, но и просветительские цели, на его взгляд вполне совместимые с культурной политикой фашизма. Так, в написанном им (но анонимном) предисловии к первому переводу романа И.А. Гончарова *Обломов* он настаивал на том, что выпущенная его издательством серия под названием “Il Genio Slavo”,

acquistando alla cultura del nostro Paese un nuovo titolo di priorità e di primato che lo metterà alla testa delle nazioni civili nel campo degli studi slavi, e nello stesso tempo aprendo agli Italiani la via più sicura per penetrare nell'anima, nella vita, nella storia delle varie stirpi slave, suscitando immancabilmente in quei paesi nuove ragioni di rispetto, di simpatia e di interessamento per l'Italia e la sua civiltà, creando infine alla nostra cultura nazionale occasioni molteplici di contatti e di scambi fecondi, [...] recherà pure un suo modesto, ma fervido e non vano contributo alla valorizzazione del nome dell'Italia nel mondo ([Polledro] 1928, X-XI)⁵.

Успех издательства был столь значительным, что книги регулярно продавались большими тиражами, достигая широкой читательской публики. Именно этим и объясняется принудительное закрытие “Slavia” в 1934 году: просветительская деятельность шла вразрез с новой антисоветской волной фашистского руководства, и даже лояльность Полледро официальной идеологии не помогла спасти его дело. К счастью, ставший уже бесценным каталог “Slavia” перешел другому туринскому издателю, Луиджи Эйнауди, который продолжил, а после Второй мировой войны в еще большей степени развил это направление издательского рынка.

5. Роль зародившейся итальянской славистики

Еще раз отметим, что во всех описанных выше процессах, развивавшихся как до, так и после захвата власти Муссолини, фашизм не сыграл заметной роли. Иначе обстоит дело с другим важным обстоятельством, о котором необходимо упомянуть в этом сжатом анализе факторов распространения русской литературы в Италии в межвоенный период. Речь идет о возникновении итальянской славистики в университетской среде. Первая официальная кафедра славистики была создана при Падуанском университете в 1920 году для даалматинца Джованни Мавера. В течение 20-х и 30-х гг. появлялись новые кафедры и курсы в области славистики, а также происходило формирование первого поколения итальянских славистов во главе с Джованни Мавером, Этторе Ло Гатто, Артуро Кронией, и др. (Маццителли 2018; Матасова

⁵ «...приобретая для культуры нашей Страны новый титул первенства и превосходства, который поставит ее во главе цивилизованных наций в области славяноведения, и в то же время открывая Итальянцам самый верный путь к проникновению в душу, жизнь и историю различных славянских родов, непременно вызывая в тех странах новые поводы для уважения, симпатии и интереса к Италии и ее цивилизации, создавая, в конечном итоге, для нашей национальной культуры многочисленные возможности для плодотворных контактов и обменов, [...] она [т.е. серия “Славянский Гений”] внесет пусть скромный, но пламенный и не напрасный вклад в упрочение имени Италии в мире».

2020). Крайне важным в сфере русистики был вклад Ло Гатто, неутомимого сторонника русской литературы как на уровне научных исследований, так и в деле ее массовой популяризации, восхищающего, среди прочего, и объемом своей переводческой деятельности (d'Amelia 1987; Ghini 2008; Romoli 2008; Маццителли 2015). В первую очередь заслугой Ло Гатто было появление первых итальянских журналов по славистике: *Russia* (1920-1926), *Europa orientale* (1921-1943), *Rivista di letterature slave* (1926-1932). Не менее важным событием для итальянской славистики было и создание в Риме в 1921 году Istituto per l'Europa Orientale (IPEO – Институт изучения Восточной Европы), просуществовавшего до 1944 года. Начиная с 1928 года усилиями Института была издана серия томов *Storia della letteratura russa* того же Этторе Ло Гатто, ставшего секретарем, а затем и президентом IPEO (Mazzitelli 2016).

Стоит упомянуть и о возникновении в Риме в тот же период (в 1929 году) ватиканского Pontificium Collegium Russicum, целями которого ставились изучение русского Православия и оказание поддержки верующим в СССР. Эта деятельность сочеталась с научными, дипломатическими и пропагандистскими инициативами, направленными на борьбу с советским атеизмом. Деятельность Руссикума венчала мощную антикоммунистическую кампанию, проводившуюся Ватиканом. Воспринимая Россию как страну мучеников, Святой Престол способствовал распространению среди всех слоев итальянского населения представлений о ценностях русской духовной традиции.

Начало 20-х годов стало периодом образования первых кафедр и научных журналов, появления специалистов, возникновения разнообразных источников ознакомления с русской культурой и литературой на всех уровнях. Росло не только качество переводов, но и количество изданий, посвященных русской культуре и литературе. Важно отметить, что внимание общественного мнения к России был живым и непрерывным. Это обуславливалось, с одной стороны, актуальностью Октябрьской революции, а с другой – восторженным восприятием русской литературы. По всем этим причинам, сочетавшимся со стратегическими интересами Итальянского Королевства на Балканах, славистика превратилась в (относительно) важную дисциплину и с точки зрения внешней политики фашизма. Это способствовало появлению интереса со стороны государственных чиновников к итальянским славистам. Они превратились в национальных представителей в столицах славянских государств, обеспечивали у себя на родине качественную информацию о славянском мире с университетских кафедр и в печати, развивали издательскую и переводческую деятельность, а иногда и занимались составлением конфиденциальных экспертных докладов по указанию Министерств внутренних и иностранных дел. Не удивительно, что все итальянские слависты эпохи фашизма имели дело с правительством, так или иначе сотрудничая с государственными учреждениями, а иногда и оказывая влияние на политику режима в области культуры. Правда, некоторые из них, не будучи непосредственно вовлеченными в фашистскую политику, в итоге подпали под подозрение органов власти, осуществлявших над ними тщательный надзор из-за их антифашистских настроений. Это в первую очередь касалось Ло Гатто, которого подозревали

в симпатиях к Советской России (Romoli 2008), и Эвеля Гаспарини, своеобразного ученика Мавера, который и не пытался скрывать свою неприязнь к официальной идеологии, за что в годы гражданской (партизанской) войны он был избит угрожавшими убить его фашистами (Faccani 2018, 252-56). В 1944 году в тюрьме скончался русско-итальянский русист, еврей Леоне Гинзбург, участник антифашистского движения уже с начала 1930-х гг. (Ferri 2019).

Вне зависимости от своего отношения к фашизму, итальянские слависты сыграли важную роль в распространении сведений о русской и даже советской культуре в период правления Муссолини. Разумеется, дань фашистской идеологии проявлялась в предисловиях книг и в выборе определенных тематик. Роль “мостителя” контактов с СССР была обеспечена Ло Гатто его связями с русскими литераторами как в советской России, так и среди русской эмиграции. Фашистский режим высоко ценил подобные фигуры, в особенности в период дипломатических колебаний между антикоммунизмом и соблазном сближения с СССР. Фашистскую пропаганду привлекали определенные стороны советской реальности (условия жизни, успехи экономики, структура общества... – подробнее об этом у Дубровиной 2019, 272-302). Этим объясняется появление таких книг Ло Гатто, как, например, *Poesia russa della rivoluzione* (1923 г.), *La servitù della gleba e il Movimento di Liberazione in Russia* (1925 г.), *Letteratura sovietista* (1928 г.), *Dall'epica alla cronaca nella Russia sovietista* (1929 г.), *URSS 1931* (1932 г.), *In Russia* (1938 г., в серии “Civiltà italiana nel mondo”) и др. В духе культурной политики фашизма Ло Гатто подготовил в 30-е годы ряд публикаций, посвященных “итальянским художникам в России” в серии под названием “L'opera del genio italiano all'estero” (Творения итальянского гения за рубежом, 1934-1943 гг.). В ней явно угадывался компромисс между интересом к России и акцентом на достоинства итальянского “гения” (на эту тему ср. Ven-Ghiat 2000, 24). Бросается также в глаза разница между 20-ми годами, когда Ло Гатто и другие публицисты могли издавать книги о советской литературе и жизни в СССР, и 30-ми годами, когда почти вся русская литература была под запретом и упоминания о России разрешались либо в италоцентричном ракурсе, либо в негативно-пропагандистском духе. При всем этом стоит подчеркнуть, что ни Ло Гатто, ни другие итальянские слависты, даже среди симпатизировавших фашизму (как, например, сербокроатист Аргуто Крониа) не позволяли себе уклоняться от научной строгости ради пропагандистских целей, добросовестно следя за высоким качеством своих работ⁶. Примером такого подхода может послужить следующее высказывание Ло Гатто о взаимодействиях русско-византийской и латино-германской культур в предисловии к книге 1938 года *В России*:

⁶ С целью пропаганды и сближения с народами оккупированных территорий, но и для “ознакомления с врагом”, во время Второй мировой войны были осуществлены специальными, в том числе и славистами, различные публикации о России, ее языке и культуре, качество и характеристики которых заслужили бы отдельного исследования. Но ввиду их особых черт, мы решили оставить их за рамками настоящей работы.

Quel che importa notare è che di fronte alla Russia si pone non questo o quel paese europeo, ma l'Europa tutta in quanto Occidente, in quanto mondo latino-germanico, di una cultura cioè differente, ma non perciò sempre e per tutti superiore, da quella orientale cioè bizantina (Lo Gatto 1938, 6)⁷.

Проявление гордости таких здравомыслящих и честных интеллектуалов, как Ло Гатто, за лучшие образцы своей национальной и общеевропейской (“западной”, “латино-германской”) цивилизации не предполагает унижения других культур: культура функционирует в живом обмене, а не в провинциальном автархизме. В целом, однако, общественная среда в Италии становилась все менее пригодной для свободного восприятия чужих традиций, а тем более русской культуры. Вышеупомянутое сближение режима Муссолини с гитлеровской Германией во второй половине 30-х годов привело к заимствованию многих поведенческих черт общественно-политического характера у мощного союзника. Обострились этнические аспекты итальянского национализма и так называемого “империализма с цивилизационной целью”, предполагавшего покровительски-патерналистское отношение к другим, “менее цивилизованным”, культурам. Участились журналистские отсылки о советской России как о “варварской”, “дикой”, “азиатской” стране, якобы скатывавшейся в пропасть социально-культурного разложения, о чем свидетельствуют различные документальные примеры, собранные в монографии Ольги Дубровиной:

Помимо освобождения русского народа от ига советской власти итальянцы видели возможность приучения «дикарей» к латинской цивилизации, «преднеся им урок правильного образа жизни. В противном случае, если русские добровольно не захотят учиться, то мы силой заставим этого медведя танцевать» (Дубровина 2019, 335).

Немаловажную роль в ожесточении антисоветской пропаганды сыграло и сближение фашистского режима с Ватиканом – сначала на почве “Латеранских соглашений”, которыми в 1929 году завершился дипломатический кризис между Итальянским Королевством и Папством; позднее в еще большей степени этому способствовала анти-коммунистическая энциклика папы Пия XI, *Divini Redemptoris* (19 марта 1937 года), ставшая поводом для усиления анти-советских настроений среди католиков.

Все шло к неизбежному трагическому завершению идеологического эксперимента фашизма – с колониальными войнами, введением расистских законов – явным подражанием антисемитской политике немецких нацистов, – вовлечением во Вторую Мировую мировую войну и последующим разрушением и идеологическим расколом страны. В заключение необходимо

⁷ «То, что важно отметить – перед Россией стоит не та или иная европейская страна, а Европа в целом как Запад, как латино-германский мир, культура которого отличается от восточной, т.е. византийской, культуры, зато не всегда и не во всем ее превосходит» (курсив мой – С.А.).

сказать, что даже в этот трагический момент итальянской истории русская литература сыграла немаловажную и крайне положительную роль: антифашисты и партизаны читали и цитировали русских классиков и советских писателей, религиозные и философские интуиции великих русских авторов служили основой для переосмысления Зла тоталитаризма и войны, а также для возрождения духовных жизненных начал послевоенного общества. Итальянская русистика не только пережила режим, но, окрепнув и высвободившись из оков фашизма, получила стремительное развитие в послевоенный период. Это в очередной раз доказывает актуальность русского наследия для современной итальянской культуры.

Цитируемая литература

- Accattoli, Agnese. 2013. *Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli Esteri italiano*. Salerno: DIPSUM.
- Adamo Sergia. 1996. "Il Dostoevskij di «Solaria»." *Comparatistica VIII*: 61-78.
- Adamo Sergia. 1998. *Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste 1869-1945*. Pasian di Prato (UD): Campanotto.
- Adamo, Sergia. 2000. "La casa editrice Slavia." In *Editori e lettori. La produzione libraria in Italia nella prima metà del Novecento*, a cura di Luisa Finocchi e Ada Gigli Marchetti, 53-98. Milano: Franco Angeli.
- Aloe, Stefano. 2018. "Il romanzo russo." In *Il romanzo in Italia*, vol. III: *Il primo Novecento*, a cura di Gianfranco Alfano e Francesco de Cristofaro, 147-78. Roma: Carocci.
- Baselica, Giulia. 2017. "Alla scoperta del «Genio russo»." In *Tradurre – Pratiche, teorie, strumenti. Un'antologia dalla rivista, 2011-2014*, a cura di Gianfranco Petrillo, 175-97. Bologna: Zanichelli.
- Béghin, Laurent. 2007. *Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra*. Bruxelles-Roma: Belgisch historisch instituut te Rome.
- Ben-Ghiat, Ruth. 2000. *La cultura fascista*, trad. italiana di Maria Luisa Bassi. Bologna: Il Mulino (orig.: *Fascist modernities. Italy, 1922-1945*, Berkeley: University of California Press, 2001).
- Bresciani, Marco. 2017. "Tra 'guerra civile europea' e 'crisi eurasiatica': Benito Mussolini, la rivoluzione russa e il bolscevismo." *Storia e politica: Annali della Fondazione Ugo La Malfa XXXI: L'Italia e la Rivoluzione d'Ottobre. Masse, classi, ideologie, miti tra guerra e primo dopoguerra*, a cura di Giorgio Petracchi, 217-41. Milano: Unicopli.
- d'Amelia, Antonella. 1987. "Un maestro della slavistica italiana: Ettore Lo Gatto." *Europa Orientalis* 6: 329-82.
- Didi, Cristiano. 2008. "La slavistica italiana del primo dopoguerra nella rivista 'I libri del giorno' (1918-1929)." *Europa Orientalis* 27: 209-34.
- Evola, Julius. 2008. *Cavalcare la tigre. Orientamenti esistenziali per un'epoca della dissoluzione*. Roma: Edizioni Mediterranee.
- Faccani, Remo. 2018. "Evel Gasparini." In *Le lingue occidentali nei 150 anni di storia di Ca' Foscari*, a cura di Anna Cardinaletti et al., 252-56. Venezia: I libri di Ca' Foscari (n. 7), <http://doi.org/10.30687/978-88-6969-262-8/009>
- Farsetti, Alessandro. 2017. "La Russia sovietica con gli occhi dei viaggiatori fascisti: frattura come (parziale) integrazione." In: *Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà letteraria*, a cura di Claudia Pieralli, Claire Delaunay, Eugène Priadko, 133-50. Firenze: FUP.

- Ferri, Giorgio. 2019. "Leone Ginzburg e la traduzione da letterale a editoriale". *Tradurre – Pratiche, teorie, strumenti* 16 (primavera 2019), <https://rivistatradurre.it/category/archivio/numero-16/>
- Flores, Marcello. 2017. *L'immagine della Russia sovietica. L'Occidente e l'URSS di Lenin e Stalin (1917-1956)*, Firenze: GoWare.
- Garetto, Elda. 2019. "Rinaldo Küfferle e la letteratura russa in esilio: dai classici ai 'nuovi classici'." In *Stranieri all'ombra del duce: Le traduzioni durante il fascismo*, a cura di Anna Ferrando, 303-13. Roma: Franco Angeli.
- Garzonio, Stefano. 2016. "La letteratura russa in Italia negli anni della Rivoluzione. Il ruolo degli emigrati." *Annali della Fondazione Ugo La Malfa. Storia e politica XXXI*: 260-73.
- Gentile, Giovanni. 1919. "Russia e Germania." In Giovanni Gentile, *Guerra e fede: Frammenti politici*, 339-41. Napoli: Ricciardi.
- Ghini, Giuseppe. 2008. "Praz, Lo Gatto e il fascismo." *Linguae & Rivista di lingue e culture moderne 2: Un'antologia attraverso e oltre il fascismo. Mario Praz, Ettore Lo Gatto e la loro Antologia delle letterature straniere*, a cura di Giuseppe Ghini: 13-39.
- Giuliano, Giuseppina. 2009. "I russi alla corte di Mussolini." In *Archivio russo-italiano V – Russi in Italia*, a cura di Antonella d'Amelia e Cristiano Diddi, 304-23. Salerno: Europa Orientalis.
- Giusti, Maria Teresa. 2022. *Relazioni pericolose. Italia fascista e Russia comunista*. Bologna: Il Mulino.
- Gobetti, Piero. 1969 (1926). *Paradosso dello spirito russo e altri scritti sulla letteratura russa*. Introduzione di Vittorio Strada. Torino: Einaudi.
- Lagarde, Pierre. 1927. "M. Curzio Malaparte ou le super-nationaliste devant le problème franco-italien." *Comœdia* 8 novembre 1927 (Цит. no: Anna Frabetti, "L'Italie et nous". Interviste francesi a scrittori italiani dell'epoca fascista." *Filologia e critica XXV*, n. 1, 2000: 69-94).
- Lo Gatto, Ettore. 1938. *In Russia* ("Civiltà italiana nel mondo"). Roma: Società nazionale Dante Alighieri.
- Mazzitelli, Gabriele. 2016. *Le pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa Orientale. Catalogo storico (1921-1943)*. Firenze: FUP.
- Mazzucchelli, Sara. 2006. "La letteratura russa in Italia tra le due guerre: l'attività di traduttori e mediatori di cultura." *Europa Orientalis* 25: 37-60.
- Petracchi, Giorgio. 2002. "Roma e/o Mosca? Il Fascismo di fronte allo specchio." *Nuova Storia Contemporanea* 1: 69-92.
- Petracchi, Giorgio. 2014. "Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta." *Rivista Di Studi Politici Internazionali* 81/1 (321): 35-57.
- [Polledro, Alfredo]. 1928. *Programma*, in Ivan Gončarov, *Oblòmov*, V-XI. Torino: Slavia.
- Re, Lucia. 2005. "Woman and Censorship in Fascist Italy." *Culture, Censorship and the State in Twentieth-Century Italy*, ed. by Guido Bonsaver and Robert S.C. Gordon, 64-75. Cambridge: Legenda, 2005.
- Rizzi, Daniela, e Andrej Shishkin, a cura di. 2001. *Viačeslav Ivanov – Testi inediti = Вяч. Иванов – Новые материалы* (*Archivio russo-italiano III = Русско-итальянский архив III*). Salerno: Europa Orientalis.
- Romoli, Francesca. 2008. "La vicenda logattiana nel ventennio fascista: alcune piste di ricerca." *Linguae & Rivista di lingue e culture moderne 2: Un'antologia attraverso e oltre il fascismo. Mario Praz, Ettore Lo Gatto e la loro Antologia delle letterature straniere*, a cura di Giuseppe Ghini: 107-30.

- Rundle, Christopher. 2019. "La campagna contro le traduzioni negli anni Trenta." In *Stranieri all'ombra del duce: Le traduzioni durante il fascismo*, a cura di Anna Ferrando, 52-67. Roma: Franco Angeli.
- Sorina, Marina. 2008-2009. *La Russia nello specchio dell'editoria italiana nel ventennio fascista: bibliografia, scelte e strategie*. Tesi di dottorato, Università degli studi di Verona.
- Traini, Cheti. 2022. *L'URSS dentro e fuori. La narrazione italiana del mondo sovietico*. Firenze: FUP.
- Valle, Riccardo. 1990. *Dostoevskij politico e i suoi interpreti*. Roma: Archivio Guido Rizzi.
- Valle, Riccardo. 2019. "La rivoluzione russa e l'autocoscienza d'Europa (1917-1921)." In *Un radioso avvenire? L'impatto della Rivoluzione d'ottobre sulle scienze umane*, a cura di Emilio Mari, Olga Trukhanova, Marta Valeri, 21-49. Roma: Edizioni Nuova Cultura.
- Vassena, Raffaella. 2010. "L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli." In *Archivio russo-italiano VI: Olga Signorelli e la cultura del suo tempo*, a cura di Elda Garetto e Daniela Rizzi, 129-48. Salerno: Europa Orientalis.
- Vittoria, Albertina. 1984. "Giovanni Gentile e l'organizzazione della cultura." *Studi Storici* XXV/1: 181-202.
- Vogüé, Eugène-Melchior de. 1886. *Le roman russe*. Paris: Librairie Plon.
- Алоэ, Стефано. 2013. "Достоевский в итальянской критике." В кн. *Достоевский. Материалы и исследования*, т. 20, 3-24. Санкт-Петербург: Наука.
- Андрић, Иво. 1984. *Историја и легенда (Сабрана дјела)*. Сарајево: Свјетлост.
- Гардзонио, Стефано. 2003. "Восприятие итальянского фашизма в генезисе и истории русского фашизма." *Europa Orientalis* 22/2: 273-87.
- Гардзонио, Стефано, и Бьянка Сульпассо, под ред. 2015. *Русская эмиграция в Италии: журналы, издания, архивы (1900-1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900-1940)*. Salerno: DIPSUM.
- Грамши, Антонио. 1991. *Тюремные тетради в трех частях. Часть 1*, под общей ред. М.Н. Грецкого и Л.А. Никитич. Перевод с ит. Г.П. Смирнова и др. Москва: Политиздат.
- д'Амелия, Антонелла, и Даниела Рицци, сост. и научные ред. 2019. *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия*. Москва: РОССПЭН.
- Джулиано, Джузеппина. 2016. "Рецепция личности и творчества Д.С. Мережковского в Италии в первой половине XX в." *Toronto Slavic Quarterly* 57: 301-19.
- Матасова, Татьяна А. 2020. "Становление и развитие итальянской русистики в XX в. как научная проблема." *Российская история* 2: 186-90.
- Маццителли, Габриэле. 2015. "Пребывание Этторе Ло Гатто в России в годы первой пятилетки." В кн. *Россия и Италия*, вып. 6: *Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней*, 340-52. Москва: ИВИ РАН, Ле-нанд.
- Маццителли, Габриэле. 2018. *Очерки итальянской славистики: книги, архивы, судьбы*. Пер. и научная ред. М.Г. Талалай. Москва: Индрик.
- Окорочков, Александр В. 2002. *Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.)*. Москва: Русаки.
- Страда, Витторио. 2013. "Достоевский – наш современник." В кн. Витторио Страда, *Россия как судьба*, сб. статей, 79-86. Москва: Три квадрата.
- Хормач, Ирина А. 1995. *СССР – Италия. 1924-1939 гг. Дипломатические и экономические отношения*. Москва: ИРИ РАН.